

УДК 94 (47).045+94 (47).046+94 (485+438)+929 Коробьин

ЛИЧНОСТИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ: СЕМЕН ГАВРИЛОВИЧ КОРОБЬИН

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex. ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории борьбы России с Польшей и Швецией в Смутное время. Впервые представлена подробная биография воеводы и дипломата Семена Гавриловича Коробьина, который участвовал в восстании Болотникова, а затем перешел на сторону Василия Шуйского, сражался против Лжедмитрия II, освобождал Москву от поляков в 1611–1612 годах.

Ключевые слова: Смутное время, Семен Коробьин, Рязань, Вологда, Владимир, Уфа, воевода, дипломат, Польша, Швеция.

Personalities of The Time of Troubles: Semeon Gavrilovich Korobyin

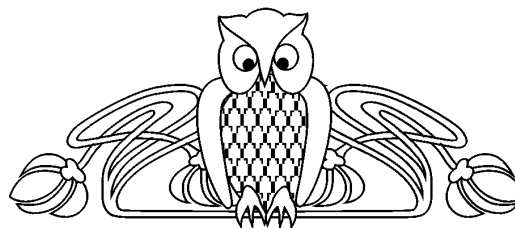
Y. N. Rabinovich

In article unknown pages of history of struggle between Russia, Poland and Sweden in the Time of Troubles are considered. For the first time voivode and diplomat Semeon Gavrilovich Korobyin's detailed biography is presented. He participated in the revolt of Bolotnikov, and then has come over to the side of Vasily Shuisky, battled against Lzhedmitriy II, released Moscow from Poles in 1611–1612.

Key words: Time of Troubles, Semeon Korobyin, Ryazan, Vologda, Vladimir, Ufa, voivode, diplomat, Poland, Sweden.

В данной статье речь пойдет об одном из сыновей рязанского помещика Гаврилы Васильевича Коробьина, Семене Гавриловиче. В Смутное время известны четыре сына Г. В. Коробьина. Отрывочные сведения об одном из них, Василии Гавриловиче, который дослужился до окольного и судьи Поместного приказа, приведены во многих энциклопедиях¹. Информация о других братьях, Борисе, Семене и Иване Гавриловичах, которые также отличились на поле брани и в посольских делах, в исследованиях о Смутном времени отсутствует. Если о Борисе Коробьине сведений сохранилось мало, а Иван Коробьин в 1611–1618 гг. вместе с патриархом Филаретом находился в польском плену, то Семен Гаврилович принимал активное участие во многих важных событиях Смуты, начиная с похода Лжедмитрия I и восстания Ивана Болотникова и заканчивая обороной Москвы от войск польского короля Сигизмунда осенью 1618 г. Источники, значительная часть которых опубликована ещё до 1917 г., позволяют частично восстановить биографию этого героя Смутного времени.

Свой род Коробьины вели от выехавшего из Орды к рязанскому князю Федору Ольговичу в начале XV в. некоего татарина Кичибя (в крещении – Василия). От одного из его сыновей, Ивана

Коробьи, вели свое происхождение Коробьины, от другого, Селивана, – Селивановы и одна из ветвей Коробьиных. Об одном из Коробьиных, советнике рязанского князя, который предал своего сюзерена и помог Василию III «поймать» его, писал С. Герберштейн². Коробьины, как и другие рязанские бояре и окольные (Измайловы, Сунбуловы), поздно перейдя на службу Москве, сохранили свои земли в Рязани, однако в число влиятельных московских боярских родов в XVI в. так и не вошли (не смогли пробиться в московскую Боярскую думу), «хотя в рязанском крае пользовались большой силой и значением»³. В XVI в. они служили вторыми воеводами в Пронске, Туле, Рязане, младшими воеводами в Рязани, командовали отдельными отрядами, служили «головами» в полках.

Отец нашего героя Гаврила Васильевич упомянут в Разрядах в качестве «осадного головы» на Рязани вместо заболевшего Василия Колтовского (1594)⁴. В 1598 г. он служил головой у тульской Веркошской засеки в качестве помощника воеводы Федора Друцкого⁵. После Смуты в ходе одного местнического дела про Гаврилу Коробьина говорили, что он человек неродословный, «бывал в засечных головах и в станишных»⁶. В 7110 г. (1601/1602 г.) во время строительства города Царева-Борисова в этот новый форпост России на юге были отправлены из Валук хлебные запасы (в самый разгар голода в стране): «На судах были головы Гаврила Каробин, Прокофей да Захар Ляпуновы...»⁷. Обращает внимание, что Коробьин записан впереди Ляпуновых. На следующий год мы видим его воеводой на Рязани «у Вожских засеки у Красносельские у Волчьих ворот» в качестве помощника воеводы князя Кондратия Щербатого (1603 г.)⁸. Вожская засека – укрепленная сторожевая линия Московского государства – проходила по обоим берегам реки Вожа от реки Ока через село Рыбное до Глебова Городища. Известное и в настоящее время село Рыбное (18 км от Рязани) было вотчиной Коробьиных. Ещё в 1523 г. великий князь Василий III дал несудимую грамоту Семёну Ивановичу Коробьину на его вотчину – села Срезнево, Карево, Рыбное с деревнями⁹.

Гаврила Коробьин имел небольшой помещный оклад. В Боярском списке 1602/1603 г. он записан с окладом в 450 чети. В это же время его сыновья имели оклады: Семен – 300 чети, Василий – 250 чети¹⁰. Семен записан впереди брата,

его оклад выше, что может служить косвенным свидетельством того, что Семен был старшим братом.

Скорее всего, боевое крещение Семен Гаврилович получил в период похода Лжедмитрия I на Москву (1604–1605 гг.). Хорошо известно, что в мае 1605 г. рязанцы во главе с П. П. Ляпуновым одними из первых изменили молодому царю Федору Борисовичу Годунову под Кромами и присягнули Лжедмитрию I. Во время восстания Болотникова братья Коробьины, как и многие другие рязанские помещики, летом 1606 г. поддержали Прокопия Ляпунова и выступили против нового царя Василия Шуйского. Рязанские помещики не участвовали в московском восстании 17 мая 1606 г. и в избрании Василия Шуйского – они находились в оппозиции к новому царю. Однако уже в ноябре 1606 г. во время осады Москвы отрядами Ивана Болотникова братья Коробьины вместе с Ляпуновым, Сунбуловым и Пашковым перешли на сторону царя Василия: «... из воровских полков переехали Коробьины и иные Рязанцы»¹¹.

По-видимому, царь Василий вскоре после этих событий наградил рязанцев, перешедших к нему на службу, новыми земельными пожалованиями. Во всяком случае – в 1607 г. в Боярском списке 1606–1607 гг. поместный оклад «дворян по выбору из Рязани» Семена и Василия Коробьиных составлял уже по 550 чети (Семен вновь записан впереди брата)¹². В это же время братья Коробьины осиротели. Их отец и мать были убиты по приказу «царевича Петра» (Илейки Муромца). Возможно, в казни принимал участие «Федор Офромеев сын Сухотин». По словам тульского дворянина Хрущёва, «из Путивля вор Федор, приехав на Рязани, Гаврила Коробьина с женой повесил»¹³.

Во время осады Москвы тушинцами (1608–1610 гг.) братья Коробьины верой и правдой служили царю Василию. Правда, гордые рязанцы, как и их предводитель Прокопий Ляпунов, ставший думным дворянином, местничали с другими воеводами. Известно местническое дело Ивана Коробьина с князем Мосальским в сентябре 1609 года¹⁴.

Если Иван Коробьин находился в столице во время осады Москвы тушинцами, то его брат Семен Гаврилович в августе 1608 г. был направлен в Новгород. С. Г. Коробьин сопровождал воеводу князя М. В. Скопина-Шуйского, которого царь Василий, не надеясь на собственные силы, отправил на север для заключения союзного договора со шведами и дальнейшего похода с целью освобождения Москвы от тушинцев. Скопину-Шуйскому удалось подавить мятеж в Новгороде, хотя пришлось пожертвовать воеводой М. И. Татищевым, которого новгородцы казнили, подозревая в измене (Михаил Игнатьевич Татищев как один из убийц приближенного Лжедмитрия I Петра Басманова вряд ли стал бы служить новому самозванцу). В конце 1608 г. в Новгороде была

проведена опись, а вскоре и продажа опального имущества М. И. Татищева. Из этого имущества Семен Коробьин взял себе тафью за 11 алтын, «шита по отласу по червчату золотом и серебром волоченным, Крымская ветчана». Также он взял 25 куниц за 4 рубля и «седло юшное с пуками» за 7 алтын. Кроме того, без денег взято «5 аршин тафты, 2 кожицы тарковых все ветчаны и седло с войлоки»¹⁵.

Вскоре после этих событий и разгрома тушинского воеводы Кернозицкого под Новгородом союзное русско-шведское войско М. В. Скопина-Шуйского и Якоба Делагарди двинулось в сторону Москвы. Семен Коробьин возглавлял один из передовых отрядов. В августе 1609 г. разведывательный отряд С. Г. Коробьина подошел к Переяславу-Залесскому с целью поднять восстание против тушинцев в этом районе. Однако, столкнувшись с крупным вражеским отрядом полковника Яна Сапеги, С. Г. Коробьин поджег город и «едва отъеде от них в Калязин монастырь» для соединения с основными силами Скопина-Шуйского¹⁶. Действия С. Г. Коробьина против тушинцев были высоко оценены самим царем Василием, который в одной из грамот писал в октябре 1609 г.: «Служил ты в Новгороде с князем М. В. Скопиным и в походах к Москве...»¹⁷.

В начале 1610 г. войска Скопина-Шуйского разгромили тушинцев, Лжедмитрий II бежал в Калугу, Москва была освобождена от вражеской блокады. В боярском списке 1610–1611 гг. братья Семен и Василий Коробьины уже значатся «дворянами Московскими», что для провинциальных рязанских помещиков было высокой честью¹⁸.

За московское осадное сидение при царе Василии Шуйском братья Коробьины были пожалованы вотчинами. Семен Коробьин получил вотчину в Каменском стане Рязанского уезда. Известно, что Семен с братом Иваном сообща владели селом Рыбное Рязанского уезда. В этом селе находилась церковь Николы Чудотворца, строения церковнослужителей. В обеих частях села было 15 крестьянских да бобыльских дворов, в которых проживало 63 человека лиц мужского пола¹⁹.

Летом 1610 г. обстановка в центре страны изменилась коренным образом в связи со смертью талантливого военачальника М. В. Скопина-Шуйского, разгромом русской армии польским гетманом Жолкевским под Клушино, свержением Василия Шуйского и присягой москвичей польскому королевичу Владиславу. В свержении царя Василия активную роль играли братья Ляпуновы. Коробьины, по-видимому, не остались в стороне от этих событий, а Иван Гаврилович вошел в состав посольства Филарета – Голицына. Польский король Сигизмунд отказался выполнять условия договора, который заключили москвичи с гетманом Жолкевским. Король продолжал штурмовать Смоленск, отказался направить в Москву своего сына Владислава и крестить его в православную

веру, требовал, чтобы москвичи присягнули ему, польскому королю, как своему государю.

Во главе освободительного движения против поляков встал Прокопий Ляпунов. Семен Коробьин с братьями Василием и Борисом также принимал активное участие в Подмосковном ополчении. Семен Гаврилович был назначен вторым воеводой в Вологду – один из крупнейших городов на севере страны, – где первым воеводой был князь Иван Иванович Одоевский-Меньшой (племянник воеводы Великого Новгорода князя И. Н. Одоевского-Большого). Эти воеводы Вологды отправили «голов с ратными людьми» на Романов к Барай-мурзе Алеевичу Кутумову. В итоге многие северные города поддержали освободительное движение и направили ратных людей к Москве.

В это тяжелое для страны время шведский военачальник Якоб Делагарди в ночь на 16 июля 1611 г. захватил Новгород. В августе–сентябре 1611 г. власть нового шведско-новгородского правительства Я. Делагарди и князя И. Н. Одоевского-Большого признали Старая Русса, Порхов, Ладога и Тихвинский монастырь. Шведы уже начали воевать «Белозерские места». Об этом осенью 1611 г. с тревогой в Великий Устюг сообщали воеводы Вологды Иван Одоевский и Семен Коробьин, прося помощи для защиты от шведов. Воеводы писали, что в Великом Новгороде, в Тихвине, в Белозерском уезде «свицкому королю крест целовали и Немецкие люди, собрався, идут к ним на Вологду». Получив такое тревожное письмо, воеводы Устюга сообщили об этом пермичам, а сами стали готовить ратных людей из посада и уезда для отправки к Вологде²⁰. Большую помощь воеводам Вологды И. И. Одоевскому и С. Г. Коробьину в деле организации обороны края от шведов оказал вологодский архиепископ Сильвестр – бывший епископ «Корельский и Орешский».

Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде начинает формироваться новое ополчение, возглавляемое Козьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским. Одна из первых известных и сохранившихся грамот Дмитрия Пожарского от 5 декабря 1611 г. была направлена в Вологду воеводам И. И. Одоевскому и С. Г. Коробьину. В этой грамоте князь Д. М. Пожарский писал, что из-под Москвы многие служилые люди разъехались «для временной сладости, грабежей и похищения», а в Нижнем Новгороде собираются ратные люди идти к Москве. Пожарский призывал вологодских людей присоединиться к нижегородцам, вместе идти освобождать Москву от поляков, обещал защитить от воровских казаков, просил сообщать обо всех новостях и об отправке воинов из северных городов к ополченцам, а также просил прислать в Нижний Новгород «зелья и свинцу». Князь Д. М. Пожарский также писал воеводам Вологды князю И. И. Одоевскому и С. Г. Коробьину, что любой, кто признает Псковского вора Лжедмитрия III, является врагом освободительного дви-

жения, врагом ополченцев: «Маринку и сына её и того вора, который стоит под Псковом в Государии на Московское государство не хотим, также, что и Литовского короля»²¹.

Весной 1612 г. С. Г. Коробьина заменил в Вологде более знатный воевода – окольный князь Григорий Борисович Долгорукий-Роща (герой обороны Троицы от тушинцев). В момент разгрома Вологды черкасами и гибели воеводы Г. Б. Долгорукого (сентябрь 1612 г.) С. Г. Коробьин находился уже под Москвой. Вместе с братьями Семен Коробьин участвовал в разгроме гетмана Ходкевича и освобождении Москвы в составе Подмосковного ополчения князя Трубецкого и Нижегородского ополчения князя Пожарского. От Трубецкого и Пожарского Семен Коробьин с братьями получили в награду за службу земли некоторых рязанских помещиков (которые, по-видимому, не участвовали в ополчении). В дальнейшем эти помещики за участие в боях против Заруцкого на Рязанщине получили обратно у Коробьиных по указу царя Михаила Романова часть своих земель, а с утраченных поместий им разрешили собрать вырощенный урожай²².

В боях под Москвой Семен Коробьин с братьями захватил в плен знатного литовского пана Харлинского и Коробьины надеялись в дальнейшем обменять его на своего брата Ивана, томящегося в польской тюрьме вместе с другими членами посольства Филарета. В источниках говорится, что «при боях» уже велись переговоры поляков с братьями Коробьиными о частном обмене Ивана Коробьина на пана Харлинского, польские родственники которого ещё в 1612 г. привезли Ивана Коробьина для обмена в Вязьму, где ему пришлось долго ждать решения Москвы «недель по 10 и по 15». Поляки позже вспоминали: «К нам писали о размене, что было им отпустить Харлинского с товарищи, а нам было прислать дворян; и мы дворян Ивана Коробьина с товарищи для размены посылали, а они наших панов Харлинского с товарищи к размене не прислали». Частный обмен так и не состоялся. Бояре приняли решение обменивать сразу всех участников посольства. Также неудачей закончились переговоры об обмене Филарета, Голицына, Шеина и других русских пленников на захваченных в Кремле полковников Струся и Будилу и их людей, которые вел в 1613 г. московский посол Денис Оладин²³. Участникам посольства Филарета, в том числе и Ивану Коробьину, пришлось ждать в Польше ещё свыше пяти лет (обмен пленников произошел лишь летом 1619 г.).

После освобождения Москвы Семен Гаврилович Коробьин некоторое время находился в Рязани. Скорее всего, он участвовал в боях против атамана Заруцкого на Рязанщине зимой-весной 1613 г., а в марте 1614 г. был назначен воеводой во Владимир. До него некоторое время во Владимире был воеводой Никита Васильевич Лопухин, который в дальнейшем стал там вторым

воеводой. Именно Никита Лопухин как воевода Владимира осуществлял зимой 1613–1614 гг. дозор Владимирского уезда. Царская грамота от 1 марта 1614 г. адресована только воеводе Никите Лопухину, а новая царская грамота от 24 марта 1614 г. адресована уже двум воеводам – С. Г. Коробьину и Н. В. Лопухину. Интересно отметить, что ещё в 1612–1613 гг. воеводами во Владимире были братья Измайловы, Артемий и Тимофей Васильевичи, с которыми позже у Коробьиных будут постоянно происходить местнические споры. В конце 1614 г. Семена Коробьина сменил во Владимире Никита Михайлович Пушкин. Двор воеводы Семена Коробьина внутри города «был крепок». По просьбе нового воеводы Н. М. Пушкина, который писал боярам летом 1615 г., что этот двор «ныне порозжен», туда определили для временного проживания персидского посла Булатбека со свитой²⁴.

В дальнейшем Семен Гаврилович участвовал в различных посольских делах, вел переговоры со шведами и поляками, воевал под Дорогобужем.

Весной 1615 г. недалеко от места будущих переговоров в Дедерино на реке Яуна (Явань), между Осташковом и Старой Руссой, происходили переговоры об обмене пленными. Об этих переговорах дореволюционные исследователи, включая Н. П. Лыжина и С. М. Соловьева, ничего не сообщали. Лишь Н. Н. Бантыш-Каменский, труд которого был опубликован через 90 лет после его кончины, писал ещё в начале XIX в., что 30 апреля 1615 г. состоялся съезд на реке Яуне: «... съехались на половине дороги меж деревни Мошина и Песков для оной размены с российской стороны судьи Семен Коробьин, Петр Обернибесов и дьяк Иван Шевырев; с шведской же: капитан Семен Апельман, Иван Брякилев и Ганц Бракелев». Эти переговоры проходили с 4 по 22 мая, закончились обменом пленными «и судьи разъехались». С русской стороны было выдано 46 пленных шведов, а шведская сторона отдала 119 русских, мужчин и женщин²⁵.

Решение об отправке Семена Коробьина для обмена пленными было принято в Москве 18 февраля 1615 г., а статейный список написан 23 марта того же года²⁶. В РГАДА сохранилось дело о посольстве С. Г. Коробьина²⁷, документы из которого впервые использовал Г. А. Замятин в своей диссертации, защищенной в Воронеже в 1921 г. и опубликованной лишь в 2008 г. Летом 1614 г. под Новгородом были захвачены в плен шведами и черкасами Никита Остафьевич Пушкин, Фока Рагманович Дуров и Иван Чепчугов – участники Земского собора 1613 г. Эти имена хорошо знакомы всем исследователям, кто занимался вопросами избрания Михаила Романова. Никита Пушкин написал челобитную Семену Коробьину, просил, чтобы его также освободили из шведского плена. Однако шведы отказались обменивать Н. Пушкина, объясняя это тем, что Якоб Деллагарди выкупил его у черкас по просьбе

Ивана Брякилева, заплатив при этом 100 рублей. Теперь, на съезде 18 мая, шведы запросили за Никиту Пушкина и Фоку Дурова огромные деньги. В итоге Семен Коробьин заплатил за Пушкина 235 рублей «деньгами и соболями», а за Дурова – 150 рублей²⁸.

Сведений об этом посольстве и об участии в нем С. Г. Коробьина, приведенных Г. А. Замятиным, ни один из отечественных исследователей не использовал. Лишь в 2008 г. А. А. Селин подробно остановился на данном сюжете²⁹. Люди Семена Коробьина в районе переговоров воевали с воровскими казаками, правда, без особого успеха. С. Г. Коробьин вел отдельные переговоры с воеводой Старой Руссы при шведах князем Андреем Константиновичем Шаховским об обмене захваченного шведами Александра Голенищева на слугу шведского ротмистра Лоренца Вагнера, захваченного московскими казаками атамана Балаша.

Эти переговоры об обмене пленными осуществились относительно быстро, уже в конце мая 1615 года. Возможно, определенную роль в успешном завершении обмена пленными сыграл английский посол Джон Меррик, который в начале мая прибыл из Москвы в Осташков, а в июне был уже в Новгороде. Шведский главнокомандующий в Новгороде Эверт Горн писал королю Густаву Адольфу, что он «распорядился о размене пленных, который умышленно задерживается и затрудняется русскими»³⁰. Задержка была вызвана тем, что в наказе С. Г. Коробьину предписывалось совершать обмен «всех на всех», а «врознь полоняниками размениваться не велено». Шведы предлагали совершать обмен врознь, человека на человека или на двух, сначала «худыми» людьми, затем «добрыми», а «свалом» шведские уполномоченные не хотели меняться. В итоге все же был осуществлен обмен по шведскому сценарию³¹. С известием о состоявшемся обмене Семен Коробьин отправил в Москву своего родственника, Дмитрия Коробьина. При этом Семен Гаврилович жаловался на воеводу Осташкова Бориса Кокорева, который не выделил подвод для гонца в Москву. Одновременно С. Г. Коробьин извещал московских бояр о сложившейся в Новгороде ситуации. Эти сведения были получены от старорусского подьячего Григория Сулешова, новгородских дьяков Семена Лутохина и Пятого Григорьева³².

Летом 1615 г. Семен Коробьин прибыл в Москву. Он уже не участвовал в дальнейших переговорах со шведами в Дедерино, которые вел князь Данила Иванович Мезецкий, и к нему «на стан» в сентябре-октябре 1616 г. не могли приходиться выкупленный Джоном Мерриком Иван Моклоков и бежавший из Новгорода Юрий Копнин.

В сентябре 1615 г. по решению Боярской думы для ведения переговоров с поляками о заключении мира под Смоленск было отправлено посольство боярина князя Ивана Воротынского.

В состав этого представительного посольства также входили боярин князь Алексей Сицкий и окольный Артемий Измайлов. Большинство исследователей, включая С. М. Соловьева и Д. И. Иловайского, ограничивается перечислением этих лиц с добавлением слов «с товарищи». В актовых материалах состав посольства записан именно таким образом. Это связано с местническим делом двух рязанцев, Измайлова (3-й посол) и Коробьина (4-й посол). Коробьины всегда считали себя выше Измайловых, хотя Артемий Измайлов к тому времени уже стал окольным³³.

В Дворцовых разрядах кратко упоминается об этом местническом деле. Царь велел «взять случаи» у обоих послов, Коробьина и Измайлова, но разбираться уже не было времени, поэтому была принята такая формулировка – «с товарищи»³⁴.

В Новом летописце записаны другие участники посольства – «дворяне Семен Коробьин да Ефим Телепнев, да с ними стольники и дворяне Московские». Впервые данный расширенный состав посольства указал Н. С. Арцыбашев. Н. Н. Бантыш-Каменский среди участников посольства назвал Коробьина без имени. В. В. Похлебкин ошибочно указал вместо Семена Коробьина его брата Василия, назвав его думным дворянином, хотя братья к тому времени были дворянами московскими. Василий Коробьин в конце 1615 г. оставался воеводой в Путивле и не мог участвовать в этом посольстве³⁵.

Эти переговоры проходили возле Духова монастыря под Смоленском и завершились в конце января 1616 г. безрезультатно: литовский канцлер Лев Сапега и Александр Гонсевский предъявляли чрезмерные территориальные и другие требования, стояли на присяге москвичей Владиславу, не желали признавать царем Михаила Романова, не упоминали его титула в грамотах и отказались заключать перемирие. Исследователи винят в неудаче посольства Ивана Воротынского и других русских послов, пишут об их неумении вести посольские дела, об ошибках в ходе переговоров. Многие ссылаются при этом на Новый летописец. Однако существуют другие источники, составленные непосредственно после завершения данного посольства. В Приходно-расходных книгах золотых в Разряде записаны награды всем участникам данного посольства: Воротынскому был послан золотой в 4 золотых угорских, а Семену Коробьину, Ефиму Телепневу и дьяку Ивану Болотникову – «по золотому человеку, а золотой по полтора золотых угорских»³⁷.

Данный источник позволяет уточнить состав войска, сопровождавшего русских послов (28 стольников, 16 стряпчих, 23 дворянина московских, 10 жильцов, 3 сотенных головы, 312 дворян и детей боярских, 1 стрелецкий голова, 5 сотников стрелецких и 500 стрельцов). В. Похлебкин писал, что с русскими послами были обычная свита и охрана из 50 человек.

Сразу после срыва переговоров под Смоленском Семен Коробьин получил назначение воеводой в пограничный город Дорогобуж на смену прежнему воеводе Н. Д. Вельяминову. В этом городе он прослужил с февраля по август 1616 года³⁸. Поляки уже начали наступление, предпринимали попытки окружить русское войско под Смоленском, осуществляли рейды к Дорогобужу. Однако до весны 1617 г. успех сопутствовал русским воеводам. О боях в районе Дорогобужа в конце 1616 г. и в 1617 г. сохранились сведения в Книге сеунчей. В это время Семен Коробьин уже находился в Москве. Он передал дела новым воеводам – боярину Юрию Яншевичу Сулешову и стольнику князю Семену Васильевичу Прозоровскому. Позорная сдача Дорогобужа воеводой Иванесом Ододуровым королевичу Владиславу осенью 1617 г. происходила без участия Семена Коробьина.

С конца 1616 г. в течение полутора лет оба брата находились в Москве: Семен приехал в столицу из Дорогобужа, а Василий из Путивля, где он служил воеводой в 1614–1616 гг. В боярском списке 1616 г. среди «дворян Московских» записаны «Семен да Василей Гавриловы дети Коробьина», но поместный их оклад не указан³⁹. Семен Коробьин вновь записан впереди брата. Пока не найдено источников, раскрывающих деятельность братьев в это время вплоть до лета 1618 года. По-видимому, они выполняли различные поручения правительства, участвовали в качестве московских дворян в дворцовых церемониях.

Самое тяжелое время для страны настало летом-осенью 1618 года. Королевич Владислав, захватив Дорогобуж, Вязьму и осадив Можайск, двинулся на Москву с запада. С юга через Зарайск и Оку к столице шли запорожцы гетмана Сагайдачного. В этих тяжелых боях под Москвой и в районе Зарайска отличились братья Коробьины. Василий Коробьин оборонял Зарайск от черкас гетмана Сагайдачного, а Семен Коробьин находился в Москве и возглавлял оборону одного из участков за Москвой-рекой в остроге в Серпуховских воротах. Специальное заседание Земского собора в начале сентября было посвящено вопросам обороны столицы. За каждым участком стен и башнями Кремля, Китай-города, Белого города и Земляного города были закреплены определенные люди. В Осадном списке Семен Коробьин записан среди дворян, которые «расписаны были в осаде по городу по воротам и башням и по стене, а в острожках за Яузою и за Москвой рекою». Помощниками Семена Гавриловича Коробьина были Илья Беклемишев и дьяк Иван Алексеев. В зону ответственности отряда Семена Коробьина входил «участок от Серпуховских ворот острог налево до Москвы реки»⁴⁰.

Оба брата Коробьины получали жалование из Устюжской чети. Вскоре после окончания Смуты они имели довольно большой поместный оклад, установленный с учетом прибавок за службу. В

127 г. (1618/1619 г.) Василию Коробьину был установлен оклад в 135 рублей, а Семену Коробьину – в 120 рублей⁴¹. Здесь впервые видно, что оклад у Семена ниже, чем у Василия и Семен записан после брата. За эту московскую осадную службу по государеву указу братья Коробьины, как и многие другие участники этих событий, получили часть поместий в вотчину.

По условиям Деулинского перемирия Россия и Польша в марте 1619 г. должны были возвратить всех захваченных пленных. В начале июня 1619 г. этот обмен пленными был осуществлен. Царь Михаил смог обнять своего отца, а Василий Коробьин встретил своего брата Ивана. Семен Коробьин в то время, когда происходил обмен пленными, был направлен воеводой в город Белев, где он сменил князя Михаила Солнцева-Засекина и Михаила Тиханова. Однако эта «Белевская служба» для С. Коробьина продолжалась недолго. Уже в конце 1619 г. мы видим в Белеве нового воеводу – Василия Кирекрейского⁴².

После завершения Смуты братья Коробьины принимали активное участие в различных посольствах (в Иран, Турцию, Данию), служили воеводами в городах.

В 1621 г. Семен Коробьин был назначен в Московский судный приказ помощником к боярину Григорию Петровичу Ромодановскому (вместо князя Федора Мерина Волконского). Однако на этой приказной должности он был недолго. Уже в конце 1622 г. Семен Коробьин получил новое назначение – воеводой в Уфу, где он сменил Григория Васильевича Измайлова. О местнических спорах Измайлова и Коробьина при смене воевод в Уфе сведений не найдено. Семен Коробьин оставался воеводой в Уфе весь 1623 г. и в начале 1624 г., пока его не сменил новый воевода, Семен Волынский⁴³.

В то время когда Семен Коробьин находился в далекой Уфе, его брат Василий Гаврилович возглавлял посольство в Иран к шаху Аббасу. Братья Коробьины встречаются все вместе в мае 1625 г. на дворцовых церемониях в Москве. 9 мая 1625 г. «на праздник Николы Чудотворца у Николы на Угрешах» был стол у государя. Среди присутствовавших на этом праздничном обеде записаны и дворяне «Семен и Василий Гавриловы Коробьины». На церемонии присутствовал также персидский посол «грузинец Русам-бек», который незадолго до этого, в марте того же года, вручал патриарху Филарету Ризу Христову. В «кривой стол», где сидел персидский посол, пить носили «дворяне ... Иван Гаврилов сын Коробин, Андрей Федоров Наумов»⁴⁴.

В 1625 г., «как Василий Коробьин пришел из Кизылбаш, били челом Семен Коробин с братьею» на Василия Измайлова, отца Артемия Измайлова. Разбиралось прошлое дело – посольство под Смоленск осенью 1615 г., в котором участвовал Семен Коробьин. Царь поручил рассмотреть это дело боярину Василию Петровичу Морозову, но

Артемий Измайлов сказал, что Василий Морозов Коробьиным «свой и друг», поэтому дело у Василия Морозова было взято (и так не завершено). 25 октября 1625 г. состоялся новый суд. Теперь царь поручил судить это дело боярину Дмитрию Михайловичу Пожарскому и разрядному дьяку Михаилу Данилову, однако суд так и не был завершен⁴⁵.

В 1625–1626 гг. Семен Коробьин вместе с братьями Василием и Иваном часто упоминается в Разрядах, участвует в придворных церемониях. 25 декабря 1625 г. на Рождество Христово Семен Коробьин упомянут в Разрядах, когда у государя был стол в золотой подписной палате и ел у него отец его, патриарх Филарет. Среди 17 дворян, которые были у стола, четырнадцатым в списке записан Семен Коробьин⁴⁶. Все же записи о Семене Гавриловиче за эти годы встречаются значительно реже, чем о его брате Василии.

О службе Семена Коробьина на протяжении семи лет (1627–1633 гг.) сведений сохранилось мало. За эти годы его брат Василий успел побывать полковым воеводой на Дедилове, возглавлял посольство в Данию, стал окольничим и судьей Поместного приказа – словом, обогнал Семена по служебной лестнице. Летом 1633 г. мы видим обоих братьев в Москве. В июле 1633 г. в связи с угрозой нападения крымских татар на Москву В. Г. Коробьину было поручено возглавлять оборону одного из участков в районе столицы: «За Яузою по Москву реку острог делал и ров копал окольничей Василий Гаврилович Коробьин». Семени Гавриловичу была поручена оборона другого участка столицы: 24 июля по указу государя он оборонял участок «за Стретенскими воротами от приходу крымских татар»⁴⁷.

Последний раз Семен Коробьин упомянут в Разрядах в 1634–1635 годах. Он был назначен вторым воеводой в Казань – помощником к боярину и воеводе Ивану Петровичу Шереметеву. Скорее всего, С. Г. Коробьин умер в Казани в 1635 или в начале 1636 года. Обычно в таких крупных городах, как Казань, смена воевод и дьяков проводилась всех вместе, одновременно, если только одно из этих лиц не совершило какого-либо преступления (что было довольно редко, ибо расследование и наказание осуществлялось обычно в отношении всех воевод и дьяков города). Исследователя должно насторожить сообщение Дворцовых разрядов, что вторым воеводой в Казани записан Мирон Вельяминов вместо Семена Коробьина. Все остальные начальные лица города остались прежними⁴⁸.

К этому времени его родное село Рыбное было полностью разорено и сожжено крымскими татарами во время их последнего набега на рязанскую землю (лето 1634 г.), однако вскоре было оно восстановлено. После смерти Семена Гавриловича этим селом владела его вдова Мавра Ивановна с двумя дочерьми. Возможно, одна из дочерей вышла замуж за князя Григория Дани-

ловича Долгорукого, единственный сын которого Прохор владел в 1677 г. половиной села Рыбное. Второй половиной села владел боярин П. В. Шереметев. В настоящее время село Рыбное и ряд населенных пунктов Рыбновского района известны всему миру (Константиново – родина С. Есенина, Сельцы – место формирования польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, Городище – место битвы на Воже, а также мировые центры – НИИ коневодства и пчеловодства).

Хочется надеяться, что эта первая попытка воссоздания биографии Семена Гавриловича Коробьина, несмотря на отрывочность и фрагментарность приведенных сведений, заинтересует не только краеведов и позволит полнее представить образ этого деятеля Смуты, а также внести некоторые штрихи в картину борьбы, которая разворачивалась в то время в России.

Примечания

- ¹ См.: Славянская энциклопедия. XVII век : в 2 т. Т. 1. А-М / авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2004. С. 600 (с ошибочными сведениями о посольстве В. Коробьина в Константинополь в 1634 г.) ; Русский биографический словарь А. А. Половцова: Кнаппе–Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 270 ; Русский биографический словарь : в 20 т. Т. 8: Кабановы–Косой. М., 1999. С. 433 (с ошибочными сведениями о посольстве В. Коробьина в Крым в 1621–1625 гг.) ; Бушев П. П. Посольство В. Г. Коробьина и А. Кувшинова в Иран в 1621–1624 гг. // Иран. Экономика. История. Историография. Литература : сб. статей. М., 1976. С. 124.
- ² См.: Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866. С. 101 ; См. также: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 269.
- ³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 396. См. также: Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 434.
- ⁴ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 484.
- ⁵ См.: Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 29.
- ⁶ Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды). СПб., 1850. Т. 1. Стб. 987, 991.
- ⁷ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 124.
- ⁸ Там же. С. 165. См. также: Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 349.
- ⁹ См.: Жалованная несудимая грамота великого князя Московского Василия Ивановича Семену Ивановичу Коробьину на села Рыбное и Карино Переяславля Рязанского уезда и село Срезнево Перевицкого уезда. 1523, июня 23 // Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А. Юшков. Ч. 1. М., 1898. № 118. С. 100.
- ¹⁰ См.: Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 268.
- ¹¹ Белокуров С. А. Разрядные записки за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 2(221). С. 10.
- ¹² См.: Боярский список 1606/1607 г. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608) : сб. документов. М., 2003. С. 145.
- ¹³ Извет тульского дворянина Хрущева на род Сухотинных // Народное движение в России. С. 351.
- ¹⁴ См.: Белокуров С. А. Разрядные записки. С. 105 ; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 135.
- ¹⁵ Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник Императорского Общества Истории и Древностей Российских. 1850. Кн. 8.
- ¹⁶ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Дмитрия II. М., 2008. С. 501 ; Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 91.
- ¹⁷ Похвальная грамота царя Василия Ивановича Семену Гавриловичу Коробьину за многую его службу и радение. 1609, октябрь // Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А. Юшков. Ч. 1. М., 1898. № 284. С. 303.
- ¹⁸ См.: Боярский список 119-го году сочинен до московского разорения при Литве с писма думного дьяка Михаила Данилова // Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства // ЧОИДР. 1909. № 3(230). С. 93.
- ¹⁹ См.: Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Том VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. С. 437–438.
- ²⁰ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 107 ; Отписка Устюжан к Пермичам о присылке ратных людей для защиты Вологды от Немцев // ААЭ. СПб., 1836. Т. 2 (1598–1613), № 200. С. 247–248.
- ²¹ Отписка нижегородцев к вологжанам // ААЭ. Т. 2, № 201. С. 248–251.
- ²² См: Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Стопцы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина. М., 1915. (Челобитные Гвоздевых, Обловых, Яковлевых). № 106. С. 65; № 497. С. 153; № 702. С. 196.
- ²³ См.: Посылка в Польшу гонца Д. Г. Оладына. 1613, февраль–июль // Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польшей (1609–1615) // Сб. РИО. Т. 142. СПб., 1913. С. 371, 406–407, 418. См. также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. М., 1995. Кн. V. Т. 9. С. 31–33.
- ²⁴ Две челобитные властей Чудова монастыря о дозоре и о взимании налогов с их вотчин Владимирского уезда по новому дозору. 1614, март // Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Том первый. Акты 1587–1627 гг. / собрал С. Б. Веселовский. М., 1913. С. 13–16 ; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 26 ; Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 144 ; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 291 ; Барсуков А. Списки городовых воевод и др. лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 45, 502 ; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией.

- Т. 2 / под ред. Н. И. Веселовского // Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества (далее – *Веселовский Н. И. Труды...*). СПб., 1892. Т. 21. С. 383, 384, 389.
- ²⁵ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Т. IV (Пруссия, Франция, Швеция). М., 1902. С. 147.
- ²⁶ См.: Опись архива Посольского приказа 1626 года / под ред. С. О. Шмидта. Ч. 1. М., 1977. С. 299.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Дело об отправлении на съезд для размена пленных Семена Гавриловича Коробьина, Петра Агеевича Обернибесова, Ивана Афанасьевича Шевырева (апрель-май 1615 г.).
- ²⁸ *Замятин Г. А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.: Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 124.
- ²⁹ См.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
- ³⁰ Лист Эверта Горна королю Густаву Адольфу. 26 мая 1615 г. // Сб. Новгородского общества любителей древности. Вып. V. Новгород, 1911. № 20. С. 60.
- ³¹ См.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 468.
- ³² См.: *Селин А. А.* Новгородские судьбы Смутного времени. Великий Новгород, 2009. С. 55–56.
- ³³ См.: *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 142.
- ³⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 208, 505. Среди охраны посольства был с дворянской «сотнею голова от Семена Коробьина и от Ефима Телепнева» Андрей Рахманинов.
- ³⁵ См.: Новый летописец. С. 138; *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М. 1843. Т. 3. Кн. 6. С. 22; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Часть третья (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М., 1897. С. 115; *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX–XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Кн. 1. Европа и Америка / справочник. М., 1995. С. 431.
- ³⁶ См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 42–58.
- ³⁷ *Приходно-расходные книги 7121–7127 гг. золотых и золоченых денег в Разряде* // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 787.
- ³⁸ См.: Книги разрядные. Т. 1. Стб., 175.
- ³⁹ Книга, а в ней писаны бояре и окольные и думные люди ... и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // АМГ. Т. 1, № 108. С. 145.
- ⁴⁰ Собор, держанный в присутствии Государя Царя Михаила Федоровича духовными и светскими чинами: каким образом противустать Королевицу Владиславу 1618, сентября 9 // СГГД. Ч. 3. № 40. С. 176; *Осадный список 1618 г. М.*; Варшава, 2009. С. 40.
- ⁴¹ См.: *Расходная книга Устюжской чети 127 г.* // РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 685.
- ⁴² См.: Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 422; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 656, 719.
- ⁴³ Там же. Стб. 484; Стб. 872, 926, 1034.
- ⁴⁴ Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 687–688, 694.
- ⁴⁵ Там же. Стб. 730, 834.
- ⁴⁶ Там же. Стб. 760.
- ⁴⁷ Там же. Т. 2. Стб. 335–338.
- ⁴⁸ Там же. Стб. 478, 517.

УДК 94(47).05+929 Лефорт

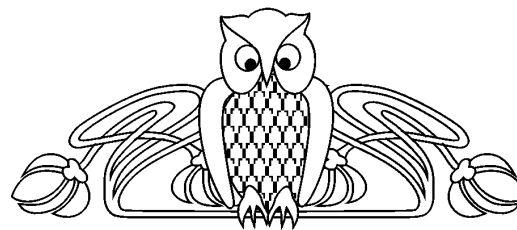
МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА XVII ВЕКА

Д. Ю. Гузевич

Школа высших социальных исследований в Париже
E-mail: gouzevit@ehess. fr

Статья об истории Голландской Реформатской церкви в Немецкой слободе под Москвой, где в марте 1699 г. шло прощание с Лефортом. Эта церковь была перестроена в камне на деньги бургомистра Амстердама Николаса Витсена, в честь дарителя на ней была повешена мемориальная чугунная доска. Церковь сгорела в 1812 г., а сама община перебралась в центр Москвы. Автору удалось выяснить, что доска сохранилась и была перенесена в новое молитвенное здание. Организованный им поиск позволил обнаружить эту доску, которая ныне скрыта от взоров посетителей, но есть все возможности ее раскрыть. Это если не первая, то одна из наиболее ранних мемориальных (но не надгробных) досок в Московии, посвященных не только человеку, но и событию.

Ключевые слова: Франсуа Лефорт, Пётр I, Николас Витсен, мемориальная доска, Немецкая слобода, некрополь.

Memorial Board of the 17th Century

D. Y. Gouzévitch

This article deals with the history of Dutch Reformation church in the German suburb near Moscow, where in March 1699, farewell with Lefort took place. This church was rebuilt in stone, with the money of the burgomaster of Amsterdam, Nicholas Witsen. In the honor of the donor, a memorial cast iron board was hung on the church. The church burnt in 1812, and the community itself moved to the center of Moscow. The author could discover that the board was preserved and it was transferred into the new praying building. His search made it possible to find this board, which is now hidden of the looks of visitors, but there are all possibilities to open it. This board is one of the earliest